

АФГАНИСТАН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ: ПАРТНЕРСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?

Аннотация

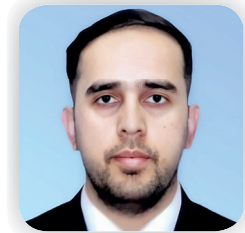
Данная статья исследует позиции и роль соседних с Афганистаном стран в определении современного состояния двусторонних и многосторонних отношений государства, перспективы его интеграции в региональное сотрудничество. В контексте наблюдаемого изменения позиций региональных и глобальных сил в отношении признания контролирующего территорию Афганистана движения «Талибан» (запрещенная в РФ террористическая организация) вопросы сотрудничества и конкуренции соседних стран обретают актуальность и значимость. В статье рассматриваются базовые условия и предпосылки развития двусторонних и многосторонних отношений Афганистана, формирующиеся под воздействием исторических, экономических, политических, природно-географических и религиозных факторов. Полученные выводы иллюстрируют основные точки соприкосновения национальных интересов стран региона и барьеры в отношении сотрудничества с Афганистаном.

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан», международное признание, терроризм, международные отношения, афгано-пакистанские отношения, афгано-иранские отношения.

Авторы

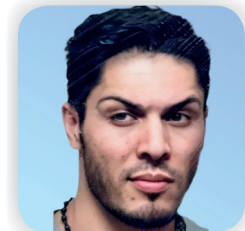
Хабиби Мохаммад Васим

Аспирант кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Висал Абдул Хай

Аспирант кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Введение

Вывод контингента вооруженных сил США из Афганистана в 2021 г. и стремительное распространение контроля за территорией государства со стороны движения «Талибан» (запрещенная в РФ террористическая организация) определили существенное изменение условий конъюнктуры сил в регионе. Демографический потенциал населения Афганистана, экономическая и политическая нестабильность

определяют безальтернативность участия региональных и глобальных акторов в стабилизации обстановки, снижении потенциала развития общественно-политических конфликтов. Сохранение «Талибаном» контроля над политическими институтами Афганистана вынуждает региональных и глобальных участников международных отношений к переформатированию своей позиции в отношении взаимодействия с организацией, ранее позиционировавшейся как террори-

стическая и сохраняющей за собой неблагоприятный имидж на фоне принимаемых решений в отношении прав женщин. По состоянию на конец 2024 г. международными организациями «Талибан» рассматривается как фактическая власть в стране, несмотря на сохранение статуса террористической организации в ряде юрисдикций. Изменяется позиция ведущих региональных сил по отношению перспектив развития отношений с государством. В 2022 г. власти КНР согласились принять верительные грамоты у главы дипмиссии движения «Талибан», а с мая 2023 г. ведется дискуссия о включении Афганистана в глобальный проект КНР «Один пояс — один путь» [3]. В 2023 г. «Талибан» был исключен из списка террористических организаций Казахстаном [17], в 2024 г. — Киргизстаном [27]. В декабре 2024 г. Госдумой Российской Федерации принят законопроект об исключении «Талибана» из перечня террористических организаций [6], впоследствии — указом Президента Российской Федерации утвержден закон, согласно которому статус террористической организации может быть приостановлен решением суда на основании заявления генерального прокурора России. С другой стороны, отношения с соседними Таджикистаном, Узбекистаном и Пакистаном остаются напряженными. В 2021 г. в Таджикистан сбежал вице-президент Афганистана А. Салех, ранее объявивший себя временно исполняющим обязанности президента страны [19], в стране также размещается «Антиталибан»-движение Фронт национального сопротивления Афганистана (ФНСА). Для пакистанской и узбекской сторон источником проблем в двусторонних отношениях становится угроза деятельности с территории Афганистана террористических организаций. Кроме того, в отношениях с Узбекистаном сохраняется напряженность по предмету распоряжения выведенной с афганской территории в 2021 г. военной техники США.

Установление политического лидерства движения «Талибан» в Афганистане рассматривается как значимая переменная в международных отношениях, дополняющая влияние постоянных переменных — обстоятельств, определяемых географическим положением страны, уровнем нестабильности в регионе, типовыми для Центральной Азии / Ближнего Востока / Африки задачами обеспечения безопасности, решения гуманитарных проблем, создания предпосылок долгосрочного экономического роста и повышения уровня жизни населения. В подобных условиях для региональных и глобальных участников международных отношений востребованной становится проблематика оценки базовых условий интеграции Афганистана в его современной форме в систему международных отношений. Целью статьи является исследование позиции и роли соседних с Афганистаном стран в определении современного состояния двусторонних и многосторонних отношений Афганистана, перспектив его интеграции в региональное сотрудничество. Достижение поставленной цели опирается на последовательное решение следующих задач: идентификации вызовов и приоритетов развития Афганистана; позиционирования его в системе национальных интересов соседних стран; выявлении вклада третьих стран в развитие ситуации в Афганистане. Методология исследования включает общие и специальные методы. Общие методы научного исследования (наблюдение, сравнение, абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция) используются на всем протяжении исследовательского процесса. К специальным методам можно отнести системный, стратегический, структурный, графический методы, контент-анализ, метод наблюдения освещения политической действительности в СМИ.

Обзор литературы. Проблематика отношений Афганистана с соседними странами является востребованным

направлением исследований для российских и зарубежных авторов. Большой объем литературы посвящен двусторонним отношениям страны с Ираном и Пакистаном как странами, обладающими большим геополитическим весом в региональных процессах. В публикации И.Ю. Крайний «Экономическое сотрудничество Афганистана с Пакистаном и Ираном» [13] предпринята попытка систематизации национальных интересов Ирана и Пакистана в отношении ситуации в Афганистане. Публикация Н.А. Замараевой [7] анализирует причины напряженности в афгано-пакистанских отношениях после установления власти «Талибана». Вопрос соперничества региональных стран в отношении ситуации в Афганистане посвящена публикация М.И. Каюмогли [8], рассмотрен вопрос заинтересованности отдельных стран региона в сохранении нестабильной обстановки во внутривнутриполитической сфере страны, в том числе — в целях логистики наркотических средств, ослабления политических позиций конкурирующих держав, поддержания очага угроз в регионе. В работе Ж.И. Байзаковой [26] подчеркивается роль деятельности на территории Афганистана и в пограничных регионах военных группировок, обостряющих отношения с соседними странами. Также дается характеристика вклада третьих стран — США и России — во взаимодействие Афганистана с соседними государствами. Роли Турции, Ирана, Китая в развитии отношений Афганистана с соседними государствами посвящена работа И.Ф. Кефели и Н.А. Комлевой [9]. Проблематика взаимоотношений страны с членами Шанхайской Организации Сотрудничества поднимается в публикациях А.Ф. Клименко и С. Рауфа [10, 16]. Важную роль при подготовке статьи сыграли публикации экспертов Российского совета по международным делам (РСМД).

Значимый объем исследований в русскоязычной литературе посвящен

проблемам взаимоотношений Афганистана и стран Центральной Азии. В публикации Д. Жекенова [30] аргументируется повышение роли стран региона как субъектов международных отношений, подчеркивается ряд пробелов в двусторонних отношениях с Афганистаном, дается оценка национальных интересов центральноазиатских стран в развитии отношений с Афганистаном. Авторы работы «Проблемы интеграции Афганистана с республиками Центральной Азии» В.Ю. Копаница, М.Р. Гурьева, Е.С. Зюзина [11] поднимают вопросы факторов, определяющих роль Афганистана в системе региональных международных отношений: его ресурсного потенциала, интеграции в систему региональных взаимосвязей, потенциала развития человеческого капитала, экспортных возможностей экономики страны. В работе «Экономическое сотрудничество Афганистана с республиками Центральной Азии» И.Ю. Крайний [12] иллюстрируются различия в подходах стран Центральной Азии к выстраиванию отношений с Афганистаном, во многом, в контексте контроля политических институтов страны движением «Талибан». В статье подчеркивается преобладающее отрицательное отношение к «Талибану» властей Узбекистана, и более благоприятное — Таджикистана и Туркменистана, а также подчеркивается роль логистики и поставок электроэнергии в Афганистан. Публикация Б. Гоя «Перспективное укрепление торгово-экономических связей Афганистана с Центральной Азией» [4] посвящена экономическому измерению двусторонних отношений Афганистана и стран Центральной Азии.

Вызовы и приоритеты развития Афганистана на современном этапе.

Следуя логике выделения функциональных сфер национальных интересов и угроз национальной безопасности, ключевые вызовы развития Афганистана отнесем к сфере обеспечения

суверенитета, продуктовой, энергетической и экономической безопасности, создания предпосылок долгосрочного экономического роста и повышения уровня жизни населения в рамках выбранной общественно-политической и экономической модели. Для движения «Талибан» как контролирующего политические институты Афганистана, но одновременно включенного в список террористических организаций рядом ведущих стран мира, одним из приоритетов является достижение международного признания [20, с. 166]. Соседние страны в этом отношении демонстрируют гораздо более высокую открытость к диалогу, чем территориально удаленные государства. Неопределенный статус организации на международной арене негативно сказывается на инвестиционной привлекательности, создает барьеры для экспортной экспансии национальных компаний на внешние рынки.

Экономическое развитие неразрывно связано с вопросами обеспечения суверенитета: приток капитала в государственный бюджет позволяет реализовывать программы в социальной сфере, поддерживать бизнес, инвестировать в оборону, предупреждать общественно-политические кризисы. По ряду синтетических показателей экономическое развитие Афганистана характеризуется как низкое: уровень валового внутреннего продукта на душу населения по оценкам на начало 2023 г. уступал среднемировым значениям в 10 раз, 15% населения не имели доступа к электричеству, порядка 20% населения не имели доступа к пресной воде [18], по состоянию на март-октябрь 2024 г. лишь 33% территории страны находятся в ситуации низкого уровня угроз продовольственной безопасности по шкале «Комплексной классификации стадий продовольственной безопасности» Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН [24]. Дополнительную нагрузку

на государственные финансы в 2023–2024 гг. создают стихийные бедствия [15, с. 305] и возвращение вынужденных переселенцев из Ирана и Пакистана (в том числе — в результате их депортации в качестве меры несогласия с проводимой «Талибаном» политики в отношении безопасности).

Начиная с 2021 г. прослеживаются признаки стабилизации в экономике и социальной сфере: с 2021 по 2024 г. доля территории страны с высоким уровнем угроз продовольственной безопасности сократилась с 42% до 28% [24], в 2024 г. страна погасила основные накопившиеся долги по электроэнергии в отношении соседних стран (в размере 627 млн долл. США, включая долги Исламской Республики Афганистан [2]), в январе 2023 г. было объявлено о начале выплат по государственной задолженности [15, с. 306], наращивается объем экспорта и импорта, достигаются рекордные объемы перевозок по автомобильной и железнодорожной транспортной инфраструктуре. В то же время, современное состояние экономики Афганистана характеризуется как депрессивное: низкий уровень урбанизации и развития обрабатывающей промышленности определяют невысокий бюджетный потенциал, несформированный средний класс; значимую роль сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте и рынке труда; нехватка электроэнергии и состояние логистики выступают барьером в развитии добывающих отраслей и обрабатывающей промышленности. Экспорт наркотических средств как источник капитала для правительства страны с высокой вероятностью в обозримом будущем будет весьма ненадежным.

Структурная зависимость от внешнего финансирования при лидерстве «Талибана» также характеризуется неопределенностью в отношении того, какая из стран примет на себя обязательства по предоставлению финансов. В то же время, Афганистан

в силу своей географии потенциально способен сыграть роль «коммуникационного хаба» в Большой Центральной Азии [9, с. 87], замыкая на себя транспортно-логистические потоки между КНР и ЕС, нефтегазовыми провинциями Центральной Азии и емким рынком сбыта Юго-Восточной Азии. Реализация этой роли требует двух основных условий: масштабных инвестиций и политической стабильности. В этой связи обоснованными видятся амбициозные планы «Талибана» по строительству трансграничных железных дорог, трубопроводов и коридоров электропередач.

В вопросах обеспечения энергетической безопасности Афганистан опирается на импорт электроэнергии из соседних стран, энергетическую инфраструктуру, основы которой были заложены еще в период 1960-х годов советскими специалистами. Большую роль в энергосистеме Афганистана играют среднеазиатские страны СНГ. Все крупные газовые месторождения Афганистана расположены рядом с границей Узбекистана, который поставляет в страну почти 40% потребляемой электроэнергии [14, с. 324].

Одним из центральных вопросов в сфере национальных интересов Афганистана остается решение задач продуктовой безопасности, обеспечения населения пресной водой, содействия развитию сельских территорий. Падение предыдущего правительства в августе 2021 г. привело к приостановке прямой международной помощи в целях развития (которая ранее составляла 75% государственных расходов [22]), нехватке наличности, слабости банковского сектора, росту безработицы, инфляции и снижению курса валют. Около половины населения — женщины и девочки — оказались исключены из общественной жизни. По оценкам Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (ОСНА), в 2024 г. из общей численности населения страны в 44,5 млн человек в ситуации

нужды находятся 23,7 млн человек [22]. В отношении 17,3 млн человек из них осуществляются поставки гуманитарной помощи посредством созданного в 2014 г. Afghanistan Humanitarian Fund (AHF), более 70% которого составляют средства США, ЕС (Европейской комиссии), Великобритании, Германии. При этом самими экспертами AHF отмечается непокрытая потребность в финансировании гуманитарных программ на уровне 40-50% от выделяемых средств ежегодно. Соседние страны не принимают участия в функционировании Afghanistan Humanitarian Fund (AHF) под эгидой ОСНА [23], но некоторые из них активно принимают беженцев из Афганистана. Наряду с быстрым ростом численности населения, повышением уровня голода и риска недоедания, резким ростом бедности и практически полным крахом национальной системы здравоохранения Афганистан сталкивается с растущим спросом на услуги в условиях сокращения ресурсов. Хотя с 2021 года число перемещенных лиц в результате конфликта резко сократилось, 6,3 миллиона человек — примерно каждый седьмой афганец — находятся в состоянии долгосрочного перемещения, многие из которых покинули свои дома еще в 2012 году. Это самое большое число внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) в Южной Азии и второе в мире. По прогнозам, в ближайшие годы Афганистан станет одной из стран, наиболее пострадавших от изменения окружающей среды и климата, что, как ожидается, приведет к значительным последствиям, связанным с миграцией, особенно для населения, зависящего от сельского хозяйства.

Таким образом, рассмотрение роли соседних стран через призму национальных интересов Афганистана позволяет определить приоритетные точки соприкосновения: совместное использование бассейнов рек Гильменд с Ираном, Амударьи с Узбекистаном и Туркменистаном; участие соседних

стран в решении задачи обеспечения энергетической безопасности, импорта капитала, наращивания экспорта. Далее охарактеризуем позиции самих соседних стран — Ирана, Пакистана, Китая, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана — в вопросах развития отношений с Афганистаном.

Афганистан в системе национальных интересов соседних стран: историческое наследие и влияние географии и религиозного фактора. Среди соседних стран Иран имеет третью по протяженности границу с Афганистаном (921 км), официальным языком Афганистана является дари, разнообразность персидского, то есть эти две страны являются сверхблизкими по языку и культуре. С позиции религиозного фактора в афгано-иранские отношения встроены конфликт по причине доминирующего у политических элит течения ислама (у «Талибана» — ислам суннитского толка, у лидеров Ирана — шиитского толка). Среди соседних стран Иран характеризуется сравнительно высоким уровнем суверенитета. После падения режима талибов в 2001 году Иран проводил двойную политику в Афганистане: во-первых, поддержание стабильности и поддержка центрального правительства Афганистана. Во-вторых, противодействие присутствию иностранных сил в стране. Иран заинтересован в строительстве наземных коммуникаций и трубопроводов в Центральной Азии, чтобы нефть поступала в Европу по иранскому маршруту, который считается кратчайшим путем на Запад. Протяженность государственной границы между Афганистаном и Пакистаном (линия Дюранда) составляет 2 670 км и является предметом территориальных споров между странами. В период проведения военной операции НАТО на территории Афганистана Пакистан, с одной стороны, активно принимал беженцев, с другой — проводил во многом связанную с позицией США политику. Стремясь занять доминирующее положение,

Иран и Пакистан враждуют по афганскому вопросу. Действия талибов еще больше обострили отношения между Пакистаном и Ираном.

В Центральной Азии пять стран, из которых с Афганистаном граничит три — Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан. Суммарная протяженность границ с Афганистаном для соседних стран региона превышает 2 тыс. км, и пролегает частично в труднодоступных территориях, часть из которых обладают высоким нефтегазовым потенциалом. По отношению к «Талибану» страны региона делились на две части. Казахстан, Киргизия и Таджикистан до последнего времени считали движение террористическим и запрещенным, то есть не вели никаких формальных переговоров. Узбекистан и Туркменистан — террористами не считали, хотя власть в Афганистане тоже не признавали, контакты ограничивали. Государства Центральной Азии, в частности Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан, исторически подвержены влиянию событий в Афганистане благодаря близости, культурно-историческим связям и этническому родству со своим южным соседом. Приоритетными интересами для стран Центральной Азии в отношении Афганистана можно считать использование логистического потенциала страны с целью выхода на энергетические рынки Юго-Восточной Азии, защиту границ и соблюдение прав на доступ к водным ресурсам. Потенциальным источником конфликта является строительство Афганистаном оросительного канала Кош-Тева, который берет начало в Амударье и обеспечит водой земли трех северных провинций — Фарьяб, Балх и Джаузджан [1].

Роль третьих стран в формировании позиции соседних стран относительно ситуации в Афганистане

Потенциал участия соседних стран в ситуации в Афганистане определяется

Таблица 1. Участие Афганистана и соседних стран в международных организациях

Страна	ШОС	ОДКБ	НАТО	Организация экономического сотрудничества (Economic Cooperation Organization)	Организация исламского сотрудничества (Organisation of Islamic Cooperation)
Иран	+	–	–	+	+
Пакистан	–	–	+ / — (статус глобального партнера)	+	+
Китай	+	–	–	–	–
Таджикистан	+	+	–	+	+
Узбекистан	+	+	–	+	+
Туркменистан	–	–	–	+	+
Афганистан	– (статус заморожен с 2021 г.)	–	– (статус глобального партнера заморожен)	+	+

Источник: составлено автором.

интеграцией в совокупность региональных группировок (см. табл. 1), а также распространением на территорию Афганистана интересов глобальных сил в лице США, КНР, Российской Федерации. Немаловажную роль играет территориальный фактор, включающий Афганистан в сферу конкурирующих проектов региональных и глобальных держав: «Великого Турана» (Турецкая Республика) [10], паниранизма (идеология, распространенная в Иране, Таджикистане, северных провинциях Афганистана), «Один Пояс — Один Путь» (КНР) [5].

Объективно слабый контроль со стороны «Талибана» приграничных соседними странами территорий создает «окно возможностей» для террористических группировок, чья деятельность затрагивает интересы в регионы КНР, Российской Федерации, Индии. Более того, в 2022 г., то есть уже после установления контроля над территорией страны, полевыми командирами «Талибана» обсуждалась вероятность вторжения в Таджикистан в случае неблагоприятных для Российской Федерации исходов российско-украинского

кризиса [28]. В этой связи проблема безопасности не может рассматриваться как исключительно региональная, нестабильность политической власти в Афганистане создает риски и для ведущих сил континента, требует адекватной реакции.

Видится обоснованным признание диспропорций внешнеполитических возможностей соседних стран Афганистана, исходя из различий в уровне экономического потенциала, численности вооруженных сил, степени развития военно-промышленного комплекса. Обзор литературы выявил факты участия КНР, России в защите границ центральноазиатских соседей Афганистана, США продолжает играть роль в региональных отношениях. Следовательно, позиции соседних стран в отношении Афганистана стоит рассматривать не только как продукт реализации их национальных интересов, но и как продукт деятельности структур, в которые соседние государства входят. Причем позиции глобальных сил по вопросам ситуации в Афганистане характеризуются встроенными противоречиями: КНР заинтересован

в снижении рисков своих логистических маршрутов, Индия будет поддерживать любое правительство в оппозиции враждебным ей Пакистану и КНР, Иран будет поддерживать шиитские группировки, Пакистан — пуштунов, Российская Федерация заинтересована в защищенности центральноазиатских сторонников [10, с. 165].

Как можно наблюдать из приведенных в таблице данных, наибольшее участие приграничных стран в военно-политических объединениях отмечается в отношении Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), и наименьшее — в отношении НАТО (Пакистан находится в статусе глобального партнера). В литературе отмечается, что ШОС по своему дизайну может сыграть благоприятную роль в разрешении приграничных конфликтов вокруг Афганистана [16]. Позиция региона в отношении «Талибана» отчасти отражает тот факт, что у некоторых стран (например, у Китая, Ирана, России и Саудовской Аравии) есть свои причины искать альтернативы однополярному порядку, возглавляемому США, который диктует, какие режимы приемлемы, а какие нет.

Вопросы обеспечения безопасности как сфера сотрудничества соседних стран с Афганистаном

Проблематика обеспечения безопасности как направление взаимодействия соседних стран с Афганистаном имеет следующие основные проявления:

- защита территориальной целостности посредством охраны границ. Специфика соседства стран в регионе состоит в наличии ряда мест слабо контролируемых государственных границ, используемых для организации наркотрафика, иных нежелательных операций;
- противодействие угрозе распространения вооружений и персона-

ла террористических организаций с территории Афганистана на территорию соседних государств. Еще до выхода США из страны, между США и «Талибаном» были достигнуты договоренности, согласно которым движение «обязалось не допускать на подконтрольных ей территориях деятельность террористических движений» [20, с. 166], в особенности — представителей движения «Аль-Каида» (запрещенная в РФ террористическая организация). Особенно значимой эта проблематика становится для стран, граница которых с Афганистаном контролируется в меньшей степени;

- противодействие угрозе популяризации радикальных проявлений ислама, в том числе — по причине наблюдаемых успехов контролирующего территорию Афганистана движения «Талибан» в противостоянии с США как ведущим геополитическим игроком не только регионального, но и глобального масштаба. Прежде всего, речь идет об усилении имиджа повстанческих движений в таких местах, как находящаяся под управлением Индии часть Джамму и Кашмира и Ферганская долина в Центральной Азии.

О масштабах угроз региональной безопасности можно судить по оценкам некоммерческой организации Armed Conflict Location & Event Data (ACLED), занимающейся подсчетом жертв конфликтов различного типа на глобальном и региональном уровне. ACLED к проявлениям конфликтов относит: террористические атаки, протесты, организованную преступность, политическое насилие, вооруженные столкновения. База данных ACLED по региону содержит данные с 1 января 2018 года по 13 декабря 2024 года и указывает на количество погибших в 7 странах (Афганистан и граничащие с ним страны) в результате 151 676 ед. проявлений конфликтов за этот пери-

Таблица 2. Потери среди гражданского населения и вооруженных формирований Афганистана и соседних стран в результате всех типов конфликтов (в оценках ACLED), человек

Страна	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Афганистан	43264	41608	31359	42654	4044	1125	1214
КНР	42	14	9	13	4	9	12
Иран	258	478	435	220	737	214	348
Пакистан	1225	1150	935	1406	1770	2325	2785
Таджикистан	64	66	2	20	71	6	0
Туркменистан	25	8	1	0	0	1	0
Узбекистан	2	3	4	4	29	3	2
в том числе гражданское население							
Афганистан	3,7%	3,6%	7,3%	5,1%	31,5%	37,8%	22,3%
КНР	81,0%	85,7%	100%	92,3%	100,0%	100,0%	75,0%
Иран	29,1%	2,3%	66,7%	42,3%	30,5%	44,9%	47,7%
Пакистан	45,6%	36,5%	22,0%	25,2%	21,6%	33,1%	27,4%
Таджикистан	17,2%	22,7%	50,0%	0,0%	77,5%	16,7%	0,0%
Туркменистан	0,0%	87,5%	100,0%	0,0%	0,0%	100,0%	0,0%
Узбекистан	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	27,6%	100,0%	100,0%

Источник: составлено автором по [21].

од численностью 179 968 человек, из них — 131 228 человек в результате действий милиции и вооруженных сил Афганистана на территории самой страны [21]. В качестве аргумента в пользу сотрудничества с контролирующими территорию Афганистана силами движения «Талибан» в вопросах снижения террористической угрозы для соседних стран выступает динамика жертв среди гражданского населения и военных в период до и после прихода к власти в Афганистане этой организации. Стоит отметить неравномерность проявления террористических угроз для соседних с Афганистаном стран. Для наглядности в таблице 2 представлены статистические данные о суммарных жертвах с выделением непосредственно Афганистана и граничащих с ним стран.

Из приведенных в таблице данных несложно заметить, что для Афгани-

стана, Ирана, Таджикистана установление в Афганистане власти «Талибана», в действительности, сопровождается снижением уровня угроз безопасности. Для Узбекистана, Туркменистана, Китая и Ирана угрозы безопасности с более высокой вероятностью распространяются на гражданское население. В то же время, в Пакистане количество жертв конфликтов растет и после прихода «Талибана» к власти в Афганистане.

Значимым фактором, мотивирующим соседние с Афганистаном страны выстраивать отношения с контролирующими страну силами, выступает обеспечение безопасности по предмету трансграничной угрозы деятельности организации «Islamic State-Khorasan Province» (далее — IS-KP) — связанной с признанной террористической организацией «Исламское государство» (запрещенная в РФ террористическая

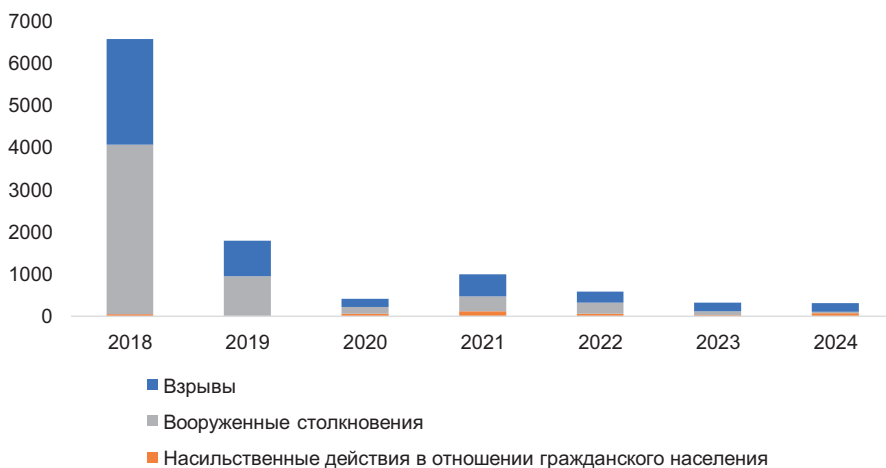

Рис. 1. Потери среди гражданского населения и вооруженного персонала Афганистана и соседних стран в конфликтах с участием IS-KP (в оценках ACLED), тыс. человек [21]

организация), с которой движение «Талибан» находится в состоянии конфронтации. IS-KP представляет собой региональное отделение салафитской джихадистской группировки «Исламское государство», признанной террористической организацией. IS-KP осуществляет свою деятельность в Юго-Центральной Азии, прежде всего в Афганистане и Пакистане и одной из целей имеет установление контроля в историческом регионе Хорасан. Территориально этот регион распространяется на части территории Ирана, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизстана [25]. IS-KP активно использует территорию Афганистана для совершения атак на границе с Узбекистаном, Таджикистаном, Ираном, осуществляет вербовку непуштунских этнических групп как в Афганистане, так и в соседних государствах, имеет тесные связи со своими представителями в Пакистане [29]. Представители «Талибана» также неоднократно высказывали мнение о важном вкладе населения Таджикистана в рекрутинг новых членов IS-KP [29].

В качестве аргумента в пользу сотрудничества с контролирующими территорию Афганистана силами дви-

жения «Талибан» в вопросах снижения угрозы IS-KP для соседних стран выступает динамика жертв среди гражданского населения и вооруженного персонала в период до и после прихода к власти в Афганистане «Талибана». Суммарно за период с 1 января 2018 года по 13 декабря 2024 года ACLED фиксируется 10 689 человек жертв среди мирного населения и вооруженного персонала (из них — 1 711 человек среди гражданского населения) в результате 2 303 событий различного формата (342 события). Если рассматривать данные в динамике, то приход к власти в Афганистане «Талибана» и выход войск США хронологически совпадают с существенным снижением количества потерь среди гражданского населения и вооруженного персонала Афганистана и соседних стран в конфликтах с участием IS-KP (см. рис. 1).

Противодействие угрозе IS-KP в рамках отношений с Афганистаном является сферой сотрудничества как соседних стран, так и глобальных участников (США, Российской Федерации, КНР). Обзорные материалы некоммерческой организации «Международная кризисная группа» (Crisis Group) указывают на факты сотрудничества спецслужб

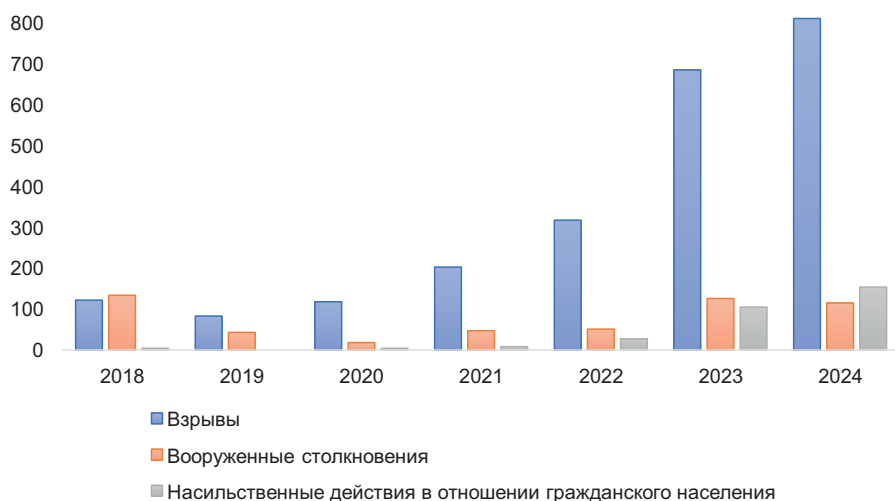

Рис. 2. Потери среди гражданского населения и вооруженного персонала Афганистана и Пакистана в конфликтах с участием ТТП (в оценках ACLED), тыс. человек [21]

Ирана с представителями «Талибана», участие США в двусторонних переговорах с «Талибаном» по вопросам безопасности [29].

Практические действия самого «Талибана» косвенно указывают на готовность принять на себя обязательства по обеспечению безопасности граничащих стран от угрозы IS-KP. Косвенным свидетельством этого являются заявления представителей движения «Талибан» о ликвидации боевиков, ответственных за атаки на территорию Узбекистана в 2022 г., проведение в 2022–2024 гг. ряда рейдов, в ходе которых были убиты видные деятели IS-KP, такие как предполагаемый заместитель лидера, бывший временный лидер, начальник разведки и глава судебной системы [29]. Наблюдаемые результаты в виде снижения количества жертв среди гражданского населения и вооруженного персонала Афганистана и соседних стран в конфликтах с участием IS-KP указывают на позитивные для региональной безопасности результаты сотрудничества.

Другую существенную угрозу региональной безопасности и, потому, предмет регионального сотрудничества представляет собой деятельность груп-

пировки «Tehrik-e Taliban Pakistan» (ТТП, запрещенная в РФ террористическая организация), зонтичной структуры, оперирующей на границе Афганистана и Пакистана, объединяющей ряд пакистанских группировок на почве декларируемого противостояния прозападному Пакистану, установления шариата в Пакистане, мусульманской Индии. Формально ТТП не объединены с движением «Талибан», но пересекаются в родственных целях, национальном составе участников движения (пуштуны). Приход к власти в Афганистане «Талибана» создал предпосылки для укрепления позиций ТТП: освобождение заключенных из тюрем в 2021 г. расширило базу рекрутинга ТТП, Пакистан указывает на факты предоставления территории Афганистана для размещения ТТП [29]. «Талибан» при этом отрицает какое-либо сотрудничество с ТТП. Как результат, наблюдается рост угроз безопасности Пакистана от ТТП (см. рис. 2). Показательно, что оценки ACLED отмечают наличие жертв от ТТП среди гражданского населения и вооруженного персонала исключительно Афганистана и, в основном, Пакистана. За период с 1 января 2018 года по 13 декабря 2024 года жертвами связанных

с ТТР действий стали 241 человек на территории Афганистана и 2 937 человек на территории Пакистана. На территорию других соседних стран действия ТТР практически не распространяются. Другими словами, угроза от ТТР является преимущественно предметом двусторонних отношений Пакистана и Афганистана и практически не затрагивает напрямую прочие соседние страны.

Усилия Пакистана в отношении угрозы ТТР во многом следуют традиционной уже для отношений с Афганистаном соседних стран модели: в отсутствии устойчивых региональных структур и сохранении определенного уровня изоляции «Талибана» решение проблемы сводится преимущественно к двусторонним и односторонним мерам: призывам властей Афганистана соблюдать принятые обязательства, использованию мер экономического давления, депортации афганских беженцев, вплоть до воздушных и артиллерийских ударов по территории Афганистана. Статистические данные о потерях в результате атак ТТР указывают на сравнительно низкую эффективность предпринимаемых мер, косвенно свидетельствуют о нежелании «Талибана» проводить действенную политику борьбы с ТТР. С высокой вероятностью проблема ТТР продолжит играть центральную роль в афгано-пакистанских отношениях в обозримой перспективе.

Противодействие ТТР и IS-KP как предмет сотрудничества соседних стран иллюстрирует преобладание одностороннего подхода над многосторонним: основная роль принимается на себя теми странами, которые несут наиболее существенные потери от действий или бездействия «Талибана». Причем состав угрожающих региональной безопасности группировок не ограничивается ТТР и IS-KP. В то время как боевики на севере Афганистана в основном представляют собой спящую угрозу для соседних стран, на востоке страны

возникли более серьезные транснациональные риски. Нью-Дели обеспокоен предполагаемым постоянным присутствием в Афганистане «Ласхар-и Тайиба» и «Джаиш-и Мухаммад» (запрещенные в РФ террористические организации) — двух панисламистских группировок, которые на протяжении десятилетий совершали нападения на территории Индии. Страны региона также обеспокоены множеством других транснациональных джихадистских группировок, действующих из Афганистана. Государства Центральной Азии по понятным причинам уделяют особое внимание боевикам на севере страны, вблизи своих границ, которые давно стремятся разжечь восстание в своих странах. Многие из этих небольших групп состоят не более чем из нескольких десятков боевиков, но какими бы крошечными они ни были, они остаются ключевым приоритетом для Китая, России и государств Центральной Азии, поскольку боевики часто принадлежат к уйгурским, узбекским, таджикским и другим этническим группам, имеющим связи с избирательными округами в их странах. Предметом критики выступают также частные практики противодействия террористическим группировкам со стороны «Талибана», а именно — попытки интегрировать их в гражданскую жизнь, перемещение в иные регионы проживания [29].

Значимым потенциалом для достижения согласия соседних стран в отношении террористической угрозы и ее питательной среды в Афганистане стало бы формирование в стране правительства, отражающего этническое разнообразие страны. В этом направлении высоко вероятно такое направление сотрудничества соседних стран как продвижение идеи создания в Кабуле кабинета министров, включающего другие политические и этнические фракции, с которыми их связывают исторические отношения [29]. Но подобные трансформации существенно ослабят монополию на государствен-

ную власть движения «Талибан» и маловероятны к реализации при следовании выбранному курсу развития движения.

Заключение

Проведенный анализ предпосылок и современного состояния участия соседних стран в ситуации в Афганистане позволяет прийти к следующим выводам. Роль соседних стран в ситуации в Афганистане рассматривается как проявление взаимодействия национальных интересов контролирующей территории государств правительства, а также деятельности неправительственных группировок, обладающих определенным уровнем власти в рассматриваемом регионе. Исходными условиями взаимодействия стран являются: отсутствие явно обозначенной конкуренции по предмету реализации глобальных проектов (по аналогу «Великого Турана» Турецкой Республики), сравнительно низкий уровень конкуренции в сфере энергетики. Предпосылки конкуренции в отношениях с Афганистаном сформированы у отдельных стран региона по предмету права на воду (из водных бассейнов реки Гильменд с Ираном, реки Амударья с Узбекистаном и Туркменистаном).

В настоящее время целесообразно разделять взаимодействие с Афганистаном де-факто и де-юре. Формальное сотрудничество соседних стран с Афганистаном де-юре по дипломатическим и, опосредованно, экономическим каналам определяется состоянием международного признания движения «Талибан» как контролирующего государственный аппарат, силовые структуры, сектор социальных услуг, средства массовой информации страны. Несмотря на прогресс в пересмотре рядом стран позиции в отношении признания движения «Талибан» в качестве объекта международных санкций, по состоянию на конец 2024 г., существуют значимые барьеры в интеграции страны в систему международных

отношений по причине систематического нарушения контролирующим территорию Афганистан движением «Талибан» общепризнанных международным сообществом прав человека. В то же время проблема соблюдения прав человека с большей силой проявляется в отношениях с удаленными от Афганистана странами, как это показывает состояние двусторонних отношений в 2021–2024 гг. Соседние страны с большей активностью выстраивают отношения с политическими силами Афганистана, руководствуясь приоритетом интересов в сфере региональной безопасности, борьбы с терроризмом, противодействия наркотрафику, создания предпосылок для долгосрочной стабилизации в регионе с перспективой на реализацию инфраструктурных проектов на территории Афганистана.

Описываемые позиции стран и реализуемые практики внешней политики в отношении Афганистана не могут быть сведены исключительно к антагонизму или исключительно к взаимовыгодному сотрудничеству. Комплексный характер национальных интересов, влияние факторов исторической, религиозной, политической, экономической природы, ограничиваемое степенью политической субъектности соседних стран определяют совокупное влияние внешнеполитических сил на развитие внутреннеполитической и экономической ситуации в Афганистане. Как следствие, наблюдаются как проявления конфликтного потенциала, включая факты, в которые вовлечены ФНСА, IS-KP, ТТР, приграничные конфликты (преимущественно с Пакистаном), так и факты консолидации усилий в сфере обеспечения безопасности. Определяющую роль в том, окажется ли стабилизирующий фактор преобладающим в отношениях соседних стран с Афганистаном, играет способность движения «Талибан» обеспечить исполнение обязательств в сфере безопасности, в том числе — для обсуждаемых инфраструктурных проектов.

Литература

1. Афганистан намерен пересмотреть границы с Центральной Азией // TRT. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.trtrussian.com/novosti/afganistan-nameren-peresmotret-granicy-s-centralnoj-aziej-18192920> (дата обращения: 10.12.2024).
2. Афганистан рассчитался по долгам перед Узбекистаном за двухгодичные поставки электроэнергии. Daryo. 08.02.2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://daryo.uz/ru/2024/02/08/afganistan-rasscitalsa-po-dolgam-pered-uzbekistanom-zadvuhgodichnye-postavkielektroenergii> (дата обращения: 01.12.2024).
3. *Братерский А.* Все больше стран признают «Талибан» властью в Афганистане // Финанс. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.finam.ru/publications/item/vse-bolshe-stran-priznayut-taliban-vlastyu-v-afganistane-20240603-1735/> (дата обращения: 10.12.2024).
4. *Гоя Б.* Перспективное укрепление торгово-экономических связей Афганистана с Центральной Азией / Б. Гоя // Экономические науки. — 2022. — № 210. — С. 7–11. — DOI 10.14451/1.210.7. — EDN ZHJPMY.
5. *Дьяконова М.А., Шарипов Ф.Ф.* Китай и Афганистан в рамках Нового Шелкового Пути // Вестник университета. — 2018. — № 5. — С. 20–23.
6. Законопроект № 778284-8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/778284-8#bh_hron (дата обращения: 10.12.2024).
7. *Замараева Н.А.* Пакистан — Иран: причины напряженности отношений в 2024 г / Н.А. Замараева // Восточная аналитика. — 2024. — Т. 15/ — № 1. — С. 177–191. — DOI 10.31696/2227-5568-2024-01-177-191. — EDN IHOJPO.
8. *Каюмогли М.И.* Соперничество региональных стран — основополагающий фактор нестабильности в Афганистане влияющий на ситуацию в Центральной Азии // Символ науки: международный научный журнал. — 2016. — № 2–3 (14). — С. 239–242.
9. *Кефели И.Ф., Комлева Н.А.* Проекты Большой Евразии и «Великого Турана» — путь к объединению народов? // Проблемы национальной стратегии. — 2023. — № 4 (79). — С. 82–105.
10. *Клименко А.Ф.* Китай, Россия и другие участники ШОС в новых афганских реалиях // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27. — № 27. — С. 160–175.
11. *Копаница В.Ю.* Проблемы интеграции Афганистана в экономические процессы Центральной Азии / В.Ю. Копаница, М.Р. Гурьева, Е.С. Зюзина // Экономический вестник. — 2023. — Т. 2. — № 3. — С. 87–93. — EDN WBLOLV.
12. *Крайний И.Ю.* Экономическое сотрудничество Афганистана с республиками Центральной Азии / И.Ю. Крайний // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2019. — № 4–3. — С. 50–51. — DOI 10.24411/2411-0450-2019-10569. — EDN VSVSCP.
13. *Крайний И.Ю.* Экономическое сотрудничество Афганистана с Пакистаном и Ираном / И.Ю. Крайний // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 4–2. — С. 180–182. — DOI 10.24411/2500-1000-2019-10779. — EDN KXAAAD.
14. *Обухова А.Н.* Значение и перспективы международного партнерства с Афганистаном в сфере энергетики, логистики, технологий // Вестник Института востоковедения РАН. — 2024. — № 3 (29). — С. 320–332.
15. *Окимбеков У.В.* Афганистан 2023 г.: социально-политическая и экономическая ситуация // Вестник Института востоковедения РАН. — 2024. — № 3 (29). — С. 301–311.
16. *Рауф С.* Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской Организации Сотрудничества после вывода войск США из Афганистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2024. — Т. 24. — № 2. — С. 252–263.
17. *Романов Р., Лакстыгал И.* Что может означать изменение статуса «Талибана» в России // Ведомости. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/28/1039841-chto-mozhet-oznachat-izmenenie-statusa-talibana-v-rossii> (дата обращения: 10.12.2024).

18. Статистическая служба Всемирного Банка. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://data.worldbank.org/indicator/SH.H2O.BASW.ZS?name_desc=false (дата обращения: 10.12.2024).
19. «Талибан» заявил о бегстве объявившего себя главой Афганистана чиновника // РБК. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6135cd769a79470ecce69bdd> (дата обращения: 10.12.2024).
20. Фарук Б.А. Возрождение «Талибана» в Афганистане в условиях ухода американских сил: перспективы движения и отношения с Россией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2022. — Т. 12. — № 4. — С. 163–172.
21. ACLED Explorer // Armed Conflict Location & Event Data. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://acleddata.com/explorer/> (дата обращения: 10.12.2024).
22. Afghanistan and Neighbouring Countries Crisis Response Plan 2024 // Global Crisis Response Platform. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://crisisresponse.iom.int/response/afghanistan-and-neighbouring-countries-crisis-response-plan-2024> (дата обращения: 10.12.2024).
23. Afghanistan Humanitarian Needs and Response Plan 2024 // Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (ООНА). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fts.unocha.org/plans/1185/summary> (дата обращения: 10.12.2024).
24. Afghanistan: Acute Food Insecurity Situation // IPC Global Partnership and Programme. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ipcinfo.org/ipc-country-analysis/details-map/en/c/1157027?iso3=AFG> (дата обращения: 10.12.2024).
25. Bacon T. The Islamic State in Khorasan Province: Exploiting a Counterterrorism Gap // Center for Strategic & International Studies (11.04.2024). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/islamic-state-khorasan-province-exploiting-counterterrorism-gap> (дата обращения: 10.12.2024).
26. Baizakova Zh.I. US withdrawal from Afghanistan: new 'old' perspectives from Central Asia / Zh. I. Baizakova // Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy Series. — 2020. — Vol. 99. — No. 3. — P. 40–44. — EDN QJJTFA.
27. Farivar M. Kyrgyzstan follows regional trend, takes Taliban off terrorist list // VoA. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.voanews.com/a/kyrgyzstan-follows-regional-trend-takes-taliban-off-terrorist-list/7775060.html> (дата обращения: 10.12.2024).
28. Serenko A. Командиры талибов в афганском Бадахшане обсуждают возможность вторжения в Таджикистан. 27.02.22. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://inozpress.kg/a-serenko-komandiry-talibov-v-afganskom-Badakhshane-obsuzhdayutvozmozhnostv-torzheniya-v-Tadzhikistan> (дата обращения: 10.12.2024).
29. The Taliban's Neighbourhood: Regional Diplomacy with Afghanistan // Crisis Group (11.04.2024). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/islamic-state-khorasan-province-exploiting-counterterrorism-gap> (дата обращения: 10.12.2024).
30. Zhekenov D. Some issues of relations between Afghanistan and Central Asia / D. Zhekenov, S. Jakubayeva, B.G. Ahmadzai // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. — 2022. — No. 4(141). — P. 184–194. — DOI 10.32523/2616-6887/2022-141-4-184-194. — EDN RJNKYY.